

Denis Zakharov

Апейрон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48629635

ISBN 9785005068880

Аннотация

Основано на реальных событиях. Одно из самых таинственных и опасных приключений последних двух тысячелетий, в котором оказался человек, чье стремление к свободе было сильнее страха погибнуть в плену. Что делать, когда ты первый в необитаемом мире? Что делать, когда мир, казавшийся необитаемым, на самом деле давно имеет своего хозяина, желающего скрыть свою личность ото всех? Погрузитесь в историю человека, пытающегося выжить в пучинах миров, не пускающих его дальше своих границ... Пока однажды... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава А	26
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	37
Глава 11	49
Глава 12	53
Глава 13	55
Глава 14	57
Глава Б	60
Глава 15	63
Глава 16	77
Глава 17	81
Глава 18	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Апейрон

Denis Zakharov

Редактор Марта Шарлай

Корректор Алексей Леснянский

© Denis Zakharov, 2024

ISBN 978-5-0050-6888-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

#

Один погас на остановке.

Один погас в парке.

Еще один догорел в семнадцать.

Один погас, когда я впервые солгал.

Ещё один догорел после переезда.

Я родился с миллионом огоньков, светящих
во мраке.

И они указывают мне путь.

Но становится темно.

Пролог

*Главное правило любой реальности –
не запутаться в своих иллюзиях?*

– Разве я продукт с ограниченным сроком годности?

– Как и всё здесь. Ежедневно тебя заставляют нуждаться

в том, о чем ты раньше даже не слышал.

– Продукту продают продукт?

– Доступные цены, хорошее качество услуг – что тебя смущает?

– Не знаю, а тебя?

– Их рекламный слоган: «Присоединяйся к самому большому сообществу в мире!». Поправь меня, если я не прав, но, по-моему, это цыгане.

– Что ты хочешь сказать?

– Вспомни, пожалуйста, какой вкус у хорошего кофе?

– Вкус кофе.

– А какой вкус у самого лучшего кофе?

– Вкус хорошего кофе.

– Чем хороший кофе отличается от лучшего?

– Рекламой.

– Ну вот, и ты здесь вроде как кофе.

На устройстве в руках говорящего в строке поиска на YouTube появилась надпись:

KENZO World – The new fragrance

– Прикольная реклама!

– Она уничтожает твоё право на выбор, приводя к власти Гитлера и Нерона, умело подменяя собой искусство.

– Разве во мне между искусством и рекламой есть противоречия? И то и то – творчество!

– Творчество без стратегии – искусство, творчество со стратегией – реклама. Стратегия, как ты понимаешь, – это всегда обман, а истинное искусство обмана не терпит.

– Тем не менее благодаря рекламируемому крему от старения «Медвежья сила» от Natura Siberica моя мама стала выглядеть куда моложе.

– Правда? Если средства против старения работают так хорошо, то почему они каждый год нанимают разных моделей для рекламных роликов?

– Я об этом не думал, но, наверное, на это есть причины.

– Мы живем в мире, где попа велосипедиста, въехавшего в рекламный щит, на какое-то время становится лицом чьей-то компании.

– Получается, и я что-то рекламирую собой?

– Безусловно. И сейчас ты рекламируешь потную задницу велосипедиста, въехавшего в тебя.

– Я читаю Витю Пелевина! Вот из последнего: «Тайные виды на гору Фудзи».

– Новые ватные палочки «Танюшка». Почувствуй, как Танюшка лезет тебе в ушко.

– И это не искусство?

– Если ты видишь отличную книгу с первоклассными персонажами, интересным сюжетом и потрясающими диалогами, это значит, что ты читаешь рекламу. Витя верит, что его разум повелевает словами, но бывает и так, что слова обращают свою силу против разума.

– Реклама – величайшее искусство двадцатого века!

– Цитируешь человека, решившего не конкурировать с собой, ведь зачем держать собаку и самому лаять? Главная забота рекламы – продать. Без стратегии много и хорошо не продашь. Какое же искусство строится на обмане?

– Военное.

– Война – искусство? Применять творчество и оттачивать мастерство в убийстве и разрушении? Спутав искусство с рекламой, процесс с результатом, а игру со стратегией, с кем они постоянно воюют?

– Видимо, с собой.

– А борясь с собой, ты не заметишь, как опошлишь свободу. Коммерция – это нормально, а реклама не порок, но место им не здесь. Придет время, когда сгинет каждый, кто возводит здесь рекламу. Ложь бегают спринты, но правда бегают марафоны. Кстати, заметь, слово «реклама» в переводе с латинского глагола *promovere* – двигать вперед, и от *pro* – вместо. Если переводить дословно, то звучит как «двигать что-

то вперед вместо чего-то». Формально мы живем во время самого масштабного в истории человечества массового самоубийства, которое охотно и производим. Реклама может быть величайшим искусством только для клинических идиотов, застрявших в дверном проеме госпиталя на окраине города Нёрдлигена.

– Постой, ты же сейчас сам отчасти что-то да рекламируешь, только свое, а не их.

– Безусловно, но заметь, пожалуйста, важное отличие. Я не называю рекламу искусством, а встречая уроборос, не ласкаю его чешуи. Когда творят искусство, то можно заметить, как реклама подтягивается за ним, словно послушный младший брат. Когда производят только рекламу, что подтягивается за ней?

– В общем, на развилке указатель хулиганы разьебали. Мы-то что будем делать?

Все там же, в строке поиска на YouTube, появилась надпись:

Аквариум «Баста, раста»

– Буди иконокласта.

#

Все события и герои не вымышлены. Любые совпадения с реальными личностями неслучайны. Автор передает, а не сочиняет.

#

#

– Мы заблудились.

– Мы не могли заблудиться. Мы точно следовали указаниям короля: «Пойдете в самую густую лесную чащу мимо зловещих деревьев с ужасными сучьями».

Глава 1

Зачем нужен свет, если он светит днем?

Сегодня тихая ночь. За стеклом домашнего серпентария послышался звук свернувшейся в кольцо змеи. На пол звонко упал колпачок от шариковой ручки. Нехебкау слегка зашипела.

Ворвавшийся в легкие взгляд дыхания напротив залезал между Темными и Черными эпизодами полостей движений. Между Т и Ч, где отныне и всегда влиятельные, блистательные в тени своих оков У, Ф, Х, Ц. Языковые налеты варьируют точки соприкосновения, но не избавляют от накипи на кончике языка.

У. Удушье собственной не-собственности, сужающихся на виске сосудов, бьющихся в такт отсчету до начала жизни и конца смерти. Гипертрофированная маска на речной глади вечно смотрящего с наглостью неотделимого от мира существа, именующего себя кем угодно, только бы именующим. Паршивая попытка стать, быть, исчезнуть до не сбыться.

Ф. Факел, воспламеняющий плоть изнутри, выжигая места для новых ролей несопричастной боли, подхватывая и изничтожая все, что пискнет или шепнет. Звуковой геноцид на слово, мысль, чувство, ощущение – откликающееся лезвие палача. Неудавшееся шоу факира, обожженные кра-

ешки загнутых листов, текущие строки и лица.

Х. Хохот и шум, расширяющие до предела пространства для всасывания в себя всего, что хочет и может стрелой проникнуть под ткани тканей. Жестокий бросок последней оставшейся силы на чужеродное бессилие, бесконечный замес, который по природе своей конечен, оттого и гниет в форме вальяжного наплевательства.

Ц. Цареубийство, разграбленные ангары, пустые казармы. Блуждание по спиральям, стирающие тот ползунок, которым ты прежде так сладострастно кликал, которым ты легко и беззаботно передвигал по экрану своих переживаний.

– На что намазываешь это масло?

– Не понимаю, о чем ты.

– Все, что говоришь, – отысканное на полках холодильника масло. Ты извлек, открыл, пустил острый нож в его тело, и вот масло на ноже. На что ты его намазываешь? Хлеб, печенье, хлебец? Иначе быстро растает, испарится, шмякнется на стол.

– Хм...

– Раз за разом ты пропускаешь нож в масло. Иногда большой кусок отрежешь, в другой день совсем крохотный, но, куда мажешь, вопросом не задаешься – не впрок масло расходуешь. Вкус его ты не знаешь, но аромат слышишь, вот слюна и течет, а желудок урчит и просит.

– Верно чувствуешь и говоришь.

– Ты не преуспеешь, пока хлеб не испечешь.

– А он разве не испечен? Мне смерть и тебе смерть – смертные мы.

– Мы здесь ни при чем и ни при ком. Смертные, бессмертные – это никак не касается ни масла, ни хлеба. Масло мажется, хлеб печется. Можем и ножом себя вообразить, да и он не мы.

– Что же мы?

– Слово.

– Что это значит?

– А ты загугли.

– «Слово – единица речи, служащая для выражения отдельного понятия».

– Ты и есть единица речи, то есть жизни, служащая для выражения отдельного понятия жизни.

– Предназначение?

– Предназначение – это путь, который можешь пройти, – функция. А ты переменная.

– Переменная?

– Да.

– А если всё не так?

– Точно не так. И это тоже важно понять. Потому что, если хочешь, чтобы было так, то оно должно быть не так.

Глава 2

Страх – еще один повод идти вперед?

Пропасть оказалась гораздо глубже, чем виднелась из мангровых зарослей, по которым я в панике прорывался к спасительной кромке обрыва последние несколько часов своего странного путешествия. Другого выхода не было. Шум ломающихся с треском кустов приближался, искажая мой единственный вариант спастись. Вот она, та кромка обрыва, что я успел заметить сквозь заросли сжимающих меня джунглей. Впервые за жизнь я обнаружил себя перед лицом реальной опасности, когда необходимо спуститься по канату – на глаз почти километр – вниз по обрывистому камню.

«Камю!» Я улыбнулся, неуместно вспомнив, что именно так называла племянница насыпанный возле дома щебень. Она не могла выговорить слово «щебень», поэтому пыталась выговорить слово «камень».

«Камю! Альберт Камю!» – улыбка шаркнула по лицу.

Ведь он полагал единственным средством борьбы с абсурдом признание его данности, а я находился уж в больно абсурдной ситуации. Прodelав длительный тяжелый путь, я оказался в ситуации погони, где я был бегущей в панике жертвой. Бессмыслица. В «Мифе о Сизифе» Камю писал, что для понимания причин, заставляющих человека совер-

шать бессмысленные действия, нужно представить спускающегося с горы Сизифа, находящего удовлетворение в отчетливом осознании тщетности и безрезультатности собственных усилий. Я нащупывал себя сейчас в похожем состоянии, понимая, что мне предстоит спускаться по обрыву под угрозой собственной жизни. После ДТП у Камю нашли с собой неоконченный автобиографический роман «Первый человек» и неиспользованный железнодорожный билет. У меня же в кармане был зеленый Skittles, небольшая нефритовая рыба, приобретенная в одной чайной, и запутанные, как лабиринты Минотавра, проводные наушники компании Apple, которыми я почти не пользовался.

Грохот камней где-то внизу вытолкнул меня из мигающих мыслей, вновь столкнув с реальностью. К ремню был привязан канат, кажущийся сейчас таким тонким над огромной бездной. От такого открытия я оробел. Вчера в номере отеля канат казался мне толстым и надежным. Ситуация не позволяла выбирать – я бросил канат через ствол дерева, завязал на два узла и принялся спускаться. В голове не к месту крутилась мысль, что вчера вечером я точно измерил длину и прочность каната: я рассматривал его почти всю ночь, не в силах заснуть. Канат, по которому спускался я теперь, был не тот, что я готовил днем ранее. Не так я планировал свое приключение.

Я упал в пропасть, не успев прикоснуться к маниловскому канату, выменянному у филиппинца из Калоокана. Во вре-

мена парусников такие канаты особо ценились. Они прочнее пеньковых, более гибки и эластичны. Пеньковые же канаты больше подвержены гниению, поскольку лучше впитывают воду. Эта информация помогла мне вчера на городском рынке сделать правильный выбор, но никак не совладала с самим страхом. Мысль цепко устремлялась вглубь, карабкаясь по лестнице, ища запасный выход, которого не было. Словно небольшой зверек, она попадала в захлопывающийся со звонким грохотом капкан. Каждая новая мысль проделывала тот же путь. Шорох из зарослей папоротников становился слышнее. Зрение утрачивало ясность. Голова отключилась, отказываясь принимать решение. Тело двигалось по канату без шанса спастись, подталкиваемое ужасом. Это существо вынудило нас покинуть фрегат, чудом я оказался на суше, но оно продолжало погоню и на суше.

Про это загадочное и жутко зловонное существо много рассказывают местные жители, впервые его обнаружившие в городе Сан-Антонио, провинция Восточный Миндоро.

Голос сопровождающего меня на корабле штурмана в моей голове: «Никто не знает, так ли это».

Сейчас важно одно – спуститься вниз, в темноту обрыва, не сорвавшись в пропасть.

Глава 3

Туда ехать полчаса, буду через десять минут?

– И время здесь ни при чем?

– Да, и ни при ком.

– У меня встреча сегодня в десять в Novu на Олд-Парк-лейн.

– Ты пространство со временем не путай, но и не разделяй.

– Загадками говоришь. Твои люди, наверное, трясутся, когда ты так говоришь. Что ты об этом знаешь?

– Всё и ничего одновременно.

– Откуда знаешь?

– Ты тоже знаешь и заранее знал, только не думал об этом, потому что был занят всякими глупостями.

– И что мне сейчас делать надо? Куда ездить? Как познать?

– Надо. Туда. Так.

– А если времени не хватит?

– У тебя его и не было никогда. Не пугайся, купюра из кармана не выпадет.

– Может же! Раз. И все. Смерть.

– Нет никакой смерти.

– Бабуле моей это расскажи.

– Так жива она.

– Где ее искать, может, подскажешь? Дома ее нет – руками не потрогать.

– Не по тем адресам ты ее ищешь, да и не тем человека щупаешь. Не человека ты руками касаешься.

– Ты про чувства и ощущения?

– Не про них.

– Про что же?

– Потерпи, уже скоро все узнаешь, а пока наблюдай и не спеши.

– Времени нет.

– Нравится так жить?

– Местами.

– Придумай иную жизнь, ее и живи.

– Ничего придумать я не могу. Все уже придумано.

– Совсем не похоже на тебя.

– Учиться надо?

– Тебя многому обучили.

– И что же теперь?

– Теперь ответственность *твоя*.

– Надо разобраться с собой.

– Не твое это «надо».

– Дай мое.

– Не дам.

– Я знаю, придет мое время.

– И время здесь ни при чем и ни при ком.

Глава 4

*Вулкан не либидо, его бутылкой виски
не разбудишь?*

– Mannaggia!

Амато не мог понять, почему в его латте снова не добавили сахар. Он очень любил это кафе – оно находилось совсем рядом с его домом. Каждое утро в течение последних трех лет он выпивал здесь по две чашки кофе. Почему же официант, который принимал у него заказ больше тысячи раз, не может запомнить, что в его латте необходимо класть три кубика тростникового сахара. Выругавшись на официанта, Амато спешно вбил в адресную строку браузера на телефоне <http://grancaffegambrinus.com/>, торопясь оставить недовольный отзыв о кафе.

Амато родился в Мадриде и жил в районе Баррио-де-лас-Летрас. Этот район расположен между улицами Крус, Каррера-де-Сан-Херонимо, бульваром Прадо и улицей Аточа. Своим названием район обязан классикам Золотого века испанской литературы: Мигелю де Сервантесу, Лопе де Веге, Франсиско де Кеведо, Тирсо де Молине, Луису де Гонгоре – все они жили в Мадриде. В их честь названы многие из улиц района, связанные с самыми яркими страницами испанской истории и культуры. В Баррио-де-лас-Летрас любили оста-

навливаться деятели искусства. Здесь часто бывали поклонники литературы, которые посещали театры комедии «Принсипе де ла Пачека» и «Де ла Крус». На сцене театра «Принсипе», который сейчас называется Испанским театром, ставились лучшие комедии писателей Золотого века, а в театре «Де ла Крус» проходили премьеры по таким пьесам, как «Когда девушки говорят „да“» Леандро Фернандеса де Моратина, «Севильский цирюльник» Россини и «Дон Хуан Тенорио» Соррильи.

Мать Амато, Ромильда, – неудавшаяся провинциальная актриса. Она растила сына одна. Отец Амато, Фабио, был актером. Вместе с ним Ромильда, будучи легкомысленной и доверчивой девочкой, отправилась покорять Мадрид. Фабио разорвал отношения с уже беременной Ромильдой. Юная актриса с маленьким ребенком на руках, помыкавшись от театра к театру в равнодушной столице, вернулась в родной рыбацкий городок Поццуоли близ Неаполя, устроившись работать на кухню в «Вилла Эльвира».

Здесь, в ветхой лачуге на берегу моря, в ужасной тесноте и бедности Амато провел свои детские годы. В школе одноклассники Амато дразнили его «стеккетто» за высокий рост и худобу. Первым значимым достижением четырнадцатилетнего подростка стала его победа на местном ежегодном конкурсе красоты среди мальчиков и девочек. Там он влюбился в необычайной прелести девочку Софи. Когда Амато стукнуло девятнадцать, его мама перебралась в Рим, закрутив

очередной безуспешный роман с каким-то престижным ремесленником. Софи тоже перебралась в Рим и увезла с собой все шансы Амато на встречу с ней. Амато же каждое утро ездил из Поццуоли на работу в Неаполь, время от времени натываясь в утренних газетах на заголовки такого родного для него имени: «*Карло Понти и Софи Лорен тайно поженились в Мексике*». Он был искренне рад за тайно любимую Софи. Девочка, рожденная в госпитале для неимущих, стала самой сексуальной и востребованной актрисой в мире.

Сейчас было обычное утро вторника, и Амато совершал обычный кофейный ритуал. Телефон в руках завибрировал.

– Алло! Да что там у вас? Что?! Cazzo! Не может быть! Скоро буду!

Амато поспешно кинул на заднее сиденье автомобиля свою кожаную куртку и дал по газам.

Вот уже час на Спакканаполи в Неаполе шло чрезвычайное собрание.

Улицу Спакканаполи не удастся обнаружить на карте, но каждый неаполитанец подтвердит ее существование. Так местные называют длинную, прямую и узкую улицу, которая состоит из нескольких других, с самостоятельными названиями, и как будто разделяет исторический город, как ей, в соответствии с именем, и надлежит¹. Спакканаполи начинается с улицы Паскуаля Скуры в Испанском квартале и оканчивается улицей Сан-Бьяджо-дей-Либрай, составляя в дли-

¹ Спасса – раскол, Napoli – Неаполь (*ит.*).

ну два километра.

Сейчас Амато почти бежал по Спакканаполи, успевая только бросать мимолетные взгляды на эту машину времени. Здесь можно вдохнуть воздух Античности, когда улица и была заложена, ощутить атмосферу Средневековья, войдя под своды, например, церкви Сан-Доменико-Маджоре, перенестись ненадолго в Новое время, посетив какое-нибудь роскошное палаццо, наподобие барочного Карафа делла Спина.

Приближаясь к штабу, Амато заметил в нише своеобразную часовенку знаменитого Марадоны, игравшего некогда за местный футбольный клуб. Эта находка выдернула его из романтических фантазий о прошлом в суровую реальность.

Амато сильно толкнул дверь, она громыкнула.

– То, что мне сообщили, правда? – едва ли не взревел он с порога.

– Расплавленные породы Флегрейских полей, расположенные под городом-портом Поццуоли, создали высочайшее нерегистрируемое ранее давление, которое способно вызвать извержение катастрофических масштабов. За этот час наши исследователи пока не выяснили, когда именно ждать извержения жителям Южных Апеннин, но, по их словам, супервулкан с каждым днем становится все опасней. А сейчас его состояние достигло критического.

– Тем не менее есть вероятность, что катастрофы не произойдет: расплавленная магма может найти выход и на дне

моря, – звонко из темноты произнес какой-то незнакомый Амато человек в странной форме.

Из того, что пока знал Амато, это то, что Флегрейские поля – известнейший вулкан в Италии, расположенный около Неаполя, и что однажды его извержение привело к наступлению вулканической зимы.

– Ряд слабых землетрясений произошел в районе Флегрейских полей не так давно, но никто не придавал этому значения.

– Когда тебе делают такой ужасный кофе, – буркнул себе под нос Амато, – только рад будешь, если все это покроется пеплом.

Амато с облегчением вспомнил про свою капризную дочь, сбежавшую от него на Филиппины.

– По крайней мере, сейчас она в безопасности.

Мысли о дочке отвлекли Амато от происходящего, но тревожный голос полковника Луиджи Моравиа на том конце провода привел его в чувство: «Я подъезжаю!»

Весь штаб был в сборе, когда прибыл полковник. Он холодно оглядел присутствующих; дождавшись, пока все утихнут, громко и строго произнес то, что никто бы не хотел сейчас услышать:

– Мы обнаружили взаимосвязь между глубинными длинопериодными и приповерхностными землетрясениями, зафиксированными под вулканом, это позволило нам предсказать, что извержение произойдет в ближайшие 48 часов.

- Porca madonna! In culo alla balena!
- Speriamo che non cagli.

Глава 5

Я бы с радостью почитал еще, но мне как-то пофиг?

– Вы бесподобны.

– Как раз-таки наоборот.

– Подобны?

– Точно, подобен.

– Кому?

– Кому-то.

– Это как?

– Образно. Заметь, что мы говорим человеку, что он бесподобен, когда хотим ему сделать комплимент высочайшей крайности. Бесподобный – не имеющий себе подобного. Бесподобный – низший уровень связности.

– Преподобные – это же...

– Да, очень подобные, имеющие и умеющие осуществлять особый вид связей, но речь не о Боге и религиозных причудах, но можно и через них, но не всегда метко. Собственно, как и через все.

– Не кажется ли тебе, что, возможно, ты вторично мыслишь? И здесь, и вообще.

– Мыслю. И пусть вторично. Я не рвусь стать бесподобным. Улавливаешь?

– Улавливаю вроде. А какие тогда ты ставишь перед собой цели?

– Не ставлю перед собой целей и тем более не достигаю их. И вот я здесь.

– Как это тебе видится?

– Через химический состав воздуха.

– А это как?

– Об этом еще упомянут.

– Кто?

– Будь внимательным к себе.

Глава А

Твоя тень?

Пульс вулкана словно вторил сердцу путника, который погружался во тьму пропасти, спасаясь от преследующего его существа. Судьба его спутников была ему неясна.

Объясняя мотивы, побудившие его, такого ленивого, избалованного, отправиться в кругосветное путешествие, он говорил знакомым, что с детства любил морские истории из произведений Фенимора Купера. В то же время в сообщениях, отправленных друзьям в ноябре, он признавался, что его никогда не влекла романтика и экзотика странствий, мысль о походе возникла у него внезапно: «Ехать и в голове не было... Я пошутил, а между тем судьба вцепилась в меня своими когтями, и вот я жертва своей шутки». Тем не менее исследователи творческого пути писателя считают, что за этой «шуткой» скрывались серьезные причины: в тот момент двадцатипятилетний мужчина нуждался в жизненных переменах. Он осознавал, что умирает от праздности, скуки, тяжести и запустения в голове и сердце. И нашел в себе силы для возрождения. В феврале русский фрегат «Паллада» вошел в Манильский залив и бросил там якорь. Несколько моряков покинули борт из-за неизвестного грозного существа, которое настигло фрегат, и, пересев в катер, они напра-

вились к берегу.

Глава 6

Город становится миром, когда ты любишь одного из живущих в нем?

– Получается, с материей играем?

– Еще как. Стол, стул, ванная комната, чувства тут же, мысли всякие – всё соткано. Душа, если мы вообще определяем что-то этим словом, есть сумма действий, произведенных над материей.

– То есть я и есть то время, что включает в себя движения мира?

– Тепло. Выпала у тебя ваза из рук и разбилась – возникло переживание. Сказал человеку, что любишь его, – возникло переживание. Сделал замок из песка на пляже – вот, держи, готово. Как взаимодействует с собой тот момент, когда стрелка часов стоит на 15:20:31, и тогда, когда она на 17:34:56? Как эти два момента взаимодействуют друг с другом посредством часов, так же и мы взаимодействуем «с» или «в» относительно жизни.

– Кто же повесил и завел эти часы?

– Прежде чем мы начнем разбираться с такими вопросами, управься с пространством, что тебе уже дано.

– А ты с чего говорить-то об этом начал?

– Мне шоколад улыбнулся.

– Метафора?

– Очень даже буквально и явственно улыбнулся.

– Как это?

– Так.

– Сам так взял и улыбнулся?

– Может, его и улыбнули.

– В смысле?

– Как смайлик в чате. Именно так.

– Мессенджер какой-то? Что ты имеешь в виду?

– Вергилий макеты из слов делал, Цукенберг – из строчек кода. Все одно. Я уже говорил об этом.

– Понятно, что тот, что этот города строили. Но чем становится город без границ? Ведь любой город начинается со стены?

– Человек выделяет себя из природы. Есть строительство, а есть архитектура. Медведь берлогу строит – строительство. Хрущевки по всей стране понатыканы – строительство. Архитектура – благородство, искусство. Архитектуру может создать и содержать только человек. Функциональные коробки для проживания может создать и содержать почти любое животное.

– Виды архитектуры играют роль?

– Виды архитектуры – это виды связей. Твои взаимоотношения с реальностью, которую ты строишь. Или за тебя строят. Как тебе удобнее?

– Получается, что из естественного растет искусственное?

– Наоборот. Из искусственного всегда растет естественное, потому что может. Город = человек. И то и то вышло из животной среды, благодаря искусственному упорядочиванию. Город – это проекция человека, который в нем живет.

– Ты же противоречишь сам себе!

– Благодаря противоречиям мы теперь можем увидеть то, что скрыто, взглядишь.

– Как? Куда? Не понимаю, о чем ты.

– Город – упорядочивание хаоса. Человек, строя город, выделяет себя из природы. Как город себя различает, а затем искусственно строится, так и человек становится человеком, когда фильтрует себя из себя самого. Как я сказал, город – это проекция человека. Скажем, что наши диалоги – это улицы города. Городские праздники – человеческие ритуалы. Заводы по добыче угля – процедуры, работа, которую мы совершаем. Границей города становится стена, с нее он и начинается, как и человек, рождаясь в своем теле. Все жизненно важное внутри, далее все, что за стенами, – социальное тело. В ста километрах от Москвы есть другой город со своей стеной и социальным телом. Расширяясь, оба они начинают все теснее и теснее взаимодействовать друг с другом. Так и существующие медиа расширяют нас, как города. МКАД для Москвы становится новой стеной, вместо стен Кремля. Через лет четыреста этой стеной может стать каскад орбитальных станций спутников 5DxBG. Но это так, фантазии.

– Почему фантазии?

– Материальное разрастание городов уже не так важно.

Города ближайшего будущего будут виртуальными, и расширяются они туда.

– Любопытно, есть ли у города другие взаимоотношения с пространствами и какие?

– Утрируя: город, теряющий границы, становится новой средой обитания, как сейчас то, что мы называем природой. И из этого нового «естественного» – новой природы – мы вновь вычленим искусственное. Когда ванная переполняется, водой начинает заполняться комната, потом дом. Переход от формы к форме. Если кран, из которого течет вода, имеет иное место возникновения воды, то планета Земля будет затоплена. Сформирована новая среда. А если источник там же, где и мы, то на планете будет сохраняться баланс, несмотря на мои испорченные обои.

– Someday we gonna rise up on the wind you know. Someday we gonna dance with those lions. Someday we gonna break free from these chains and keep on flying.

Глава 7

Моя тень?

Темнота обрыва поглощала весь свет, струящийся сверху. Ремень ужасно натирал, он был перевернут, словно лента Мебиуса. Будто все то, что происходило внутри моих джинсов, никак не соприкасалось с тем, что было снаружи этих джинсов. Я нервно усмехнулся, обнаружив себя по ту сторону происходящей со мной реальности. Но с той стороны этой неведомой линии в погоне за мной было чудовище. Как это так? Рык пронесся в высоте. Еще на «Палладе» я слышал нечто странное, но не придал этому значения, а зря.

Где находились мои друзья с фрегата, я не знаю. Мы вместе держали путь, а потом все пошло не по плану. Я умудрился кое-как спастись, что случилось с ними – я понятия не имел. Да и мысли о их судьбе меня не сильно занимали. Какой толк в этих мыслях, если я закончусь прямо сейчас в лапах этого зверя. Для начала надо справиться самому, а потом я непременно придумаю, как спасти своих ребят. Стоит немного передохнуть – и снова в путь.

Глава 8

Любая ли сложная задача решается путем разбиения ее на несколько простых действий?

– Я получаю истинное облегчение и даже удовольствие, когда у нас с тобой происходит совпадение страхов. Некоторые из них со мной так давно и настолько детально углублены и запущены, что я тут в образе учителя, а ты профана. И это бодрит.

– Ну что поделать, ты хотел стать человеком.

– Я не мог представить, что человек ищет здесь духовного просветления, чтобы узнать цену биткоина. Лучше стать кем угодно, чем стать человеком и нести груз человеческих обязанностей.

– Эстетика отвращения и тотальной брезгливости?

– Мы бизнес строим и семейное дело.

– Клиптолизация и спирт-рояль.

– При свете пыль видна?

– Скучно мне об этом.

– Может, для тебя и так. Меня это не волнует, если ты думаешь, что я говорю для тебя.

– А для кого?

– Ты задачу свою решаешь, это понятно, а системы гибнут.

– Ты это выдумал и сюжетируешь.

– Это не так. Не путай ячейку в банке с банком.

– Ты несешь какую-то ахинею. Целостности без последовательности не может существовать.

– И тем не менее она есть. Ты вот как мозаику собираешь?

– Какую?

– Самую обычную.

– Последовательно, двигаясь от правого верхнего угла, подбирая нужные пазлы.

– Верно! Те, для кого я говорю, мозаику так не собирают. Они находят цветовые или знаковые определители, преобразуя узор в совпадения. Отражения не имеют аналогов. Они собирают так все: мозаики, конструкторы, отношения, дела...

– Ты алгоритм собирания мозаики втюхать мне хочешь?

– И вновь ты из правого верхнего угла меня спрашиваешь.

– Что я делаю не так?

– Ты раскладываешь последовательности на части, далее замыкаешь мозаику, выдавая несоборанный рисунок за искомый, размывая концы, заключая производную в цикл. А знаешь, что самое смешное?

– Что-то мне не смешно.

– Они учат этому детей, изымая у них их.

– Нарочно?

– Ты же не нарочно. Вот и они не нарочно.

– И почему так?

– Не умеют мыслить себя вне времени. Кстати, очень похоже на то, что ты держишь в руках.

– Эм, чудо-йогурт?

– Заключенное в рамки пластиковой бутылки чудо. Ты держишь его в руках, заявляя, что ищешь его. Да вот же оно – у тебя в руках.

– В чем суть?

– Не пихай слово в форму и...

– И что?

– Вытерпи разумное количество боли.

Глава 9

- Ты не мой друг, приятель?*
- Не называй его приятель, парень?*
- Ты не мой парень, друг?*
- Он тебе не друг, приятель?*
- Ты не мой приятель, парень?*

– В это время я должен был петь караоке на его исторической родине, а сижу в душном штабе рядом с вулканом, который вот-вот извергнется, – разрывался Амато.

– Да, Свен, не беси меня, я еще раз повторяю, что караоке было изобретено не в Японии, а на Филиппинах Роберто дель Росарио. Он признан единственным держателем патента на караоке-систему в мире.

– Однако большинство ученых кредитует Дайсукэ Иноуэ, японца!

– Официальный создатель один, а держателя два. Сколько можно повторять?!

Глава 10

Ты в ответе за то, чего не делаешь?

– Ты чего задумался, коньяк-то пить будешь?

– Французский?

– Frapin Cuvee.

– Хороший?

– Издеваешься? Бессмертный коньяк с ломтиком лимо-

на – чудо!

– Лей сразу две.

– А ты чего так пьешь резво?

– Ты давай лей!

– А как же...

– Третью.

– Не находишь, что ты немного заблудился?

Стакан звонко задел край стола.

– Знаешь, что я чувствую? Волны страха двигаются от кончиков пальцев рук и ног, подступая к сознанию и захлестывая легкие, он начинает душить, ты нарочно разгоняешь дыхание собственными усилиями, чтобы обрести только что утерянное дыхание.

Гребни волн по-прежнему часто опрокидывались, заливая легкие, – в таком состоянии не продержаться и десяти минут.

– Я понимаю то, о чем ты говоришь. Происходит какое-то возбуждение – одна волна страха вызывает и продолжает другую, бóльшую. Судороги сжимают горло, хочется кричать, но ты не можешь и этого.

Еще несколько мгновений – и задохнусь.

Клавиши застучали в темноте, один клик мышкой. Комната заполнилась «Right Here Right Now» Fatboy Slim.

– А это что?

– Расческа! Наверное, одна из моих подруг забыла. В течение года у меня дома копятя не только расчески, но и помады, зарядки от телефонов, колечки, кулоны...

На обратной стороне пластиковой щетки для волос – обтекаемой формы, без ручки – на желтом фоне поверхности большие буквы: Tangle Teezer.

– Вот же то, что мы ищем!

– Tangle Teezer?

– Конечно!

– Может, на сегодня тебе хватит?

– Да смотри же! Во-первых, это не просто расческа, это полноценный бьюти-гаджет.

– Ты где этого понабрался?

– Она задумана как эргономическая щетка, которая легко справится со спутанными волосами, не навредив им. Вот смотри.

Звук расчесывающихся волос.

– Она подходит абсолютно под любой тип волос, даже под афро.

– Ну да, самая продаваемая расческа в мире. И что с этого?

Изображения на сайте подвисяют, но текст читается легко.

– Прежде чем стать самой продаваемой расческой в мире, она должна была как минимум попасть в продажу.

– Как?

– Здесь написано, что парикмахер отправился на мегапопулярный в Британии телепроект. Шон, создатель этой расчески, представил участникам свою идею среди всех прочих конкурсантов, общей целью которых было вызвать доверие инвесторов и, собственно, получить их деньги на свое развитие.

– И?

– И... проиграл. Его идею в виде пластиковой расчески всех цветов радуги совсем не оценили.

– Да уж, сейчас точно те самые инвесторы кусают локти и корят себя за недальновидность. Но как? Как у него получилось?

– Продуманная конструкция, которой как раз в нашем вопросе у нас и нет.

– Мы можем что-то накидать?

– Тут также написано, что Шон тридцать лет работал в салонах красоты и успел за это время перепробовать не одну

расческу – все они в большей или меньшей степени электризовали волосы, выдирали их с корнем, путали их и пушили.

– Что же такого особенного делает Tangle Teezer?

– Просто делает свое дело.

– Давай к конструкции, что там?

– Вот смотри.

На экране высветилась небольшая таблица:

- ...материал – не электризующий волосы;
- зубчики – разной длины и расположенные в определенном порядке;
- форма – эргономичная, удобная для ладони;
- размеры – компактные, примерно 12 на 8 см;
- дизайн – яркий и стильный, который запоминается и выделяется среди конкурентов.

Ниже сопутствующий текст.

– Обрати внимание на главную особенность. Вот здесь.

Палец скользнул по экрану монитора.

– Не выдирать, а мягко распутывать колтуны.

– Но что общего это имеет с тем, что мы обсуждаем?

– Tangle. Клубок. Беспорядок.

– И чего же вы хотите сказать?

– Расческа Tangle Teezer распутывает запутанные волосы.

Из беспорядка на голове создает порядок. У нас с тобой есть такой клубок, который нас беспокоит, – не волос, как ты понимаешь. Нам необходимо придумать и возвести конструкцию по распутыванию клубков без выдираний.

– Да уж, товар будет ходовой! И инвесторы найдутся, но пока есть только мы.

– Да. Смотри, как любопытно. Tanglefoot было сленговым словом западноамериканского английского для обозначения крепкого виски. Aqua Lung международной корпорации Air Liquid стало общеупотребительным в странах Европы и бывшего СССР для обозначения автономных аппаратов для дыхания под водой. Aspirin – торговая марка германской фармацевтической компании Bayer, но всем оно известно как имя нарицательное для ацетилсалициловой кислоты. Unitas – фирма, с 1909 года производившая сантехнику, но теперь это название определенного приспособления, и неважно, какой фирмой оно произведено.

– Ну да, в Африке, например, любой кофейный напиток вне зависимости от бренда и качества называется «нескафе». Kleenex во многих англоязычных странах обозначает салфетки вообще. Американцы все одноразовые салфетки называют клинексами. Да и итальянцы тоже. В Польше любые кроссовки называют адидасами. А плееры – волкманами. В Израиле все мобильные телефоны называют retelefon, от названия компании, которая первой начала предоставлять услуги мобильной связи. В Америке общеизвестным и нарицательным названием пылесоса является «хувер» – от фирмы-производителя Hoover. В Монголии копировальные аппараты называют кэноны, так как именно Canon стал первой компанией, которая импортировала туда свою технику.

– Вот-вот. Рад, что вы меня слышите. При успехе наш бренд будет обречен на мировую нарицательность. Редчайший, первый в своем роде на планете Земля продукт, который появится на рынке.

– Так это же чудесно!

– Вряд ли.

– С ума сошел? Почему?

– Бренд – это в первую очередь обещание. В данном случае мы дадим обещание, которое, возможно, не сможем сдержать.

– А, может, сможем. Это будет работать, люди будут брать. Это как туалетная бумага. Без нее нельзя. Ей пользуются почти все, она заканчивается, а ты подкидываешь им все новые рулоны, чтобы справляться с нуждой.

– Только мы делаем не бумагу и даже не унитаз. Мы делаем то, что уравнено с человеческой системой жизнеобеспечения: сердцем, мозгом, кровью, нервной системой. Продукт по силе, превосходящей надежду и веру. Мы будем продавать трансгрессию. Билет на проход границы между возможным и невозможным. Первая проблема, с которой мы столкнемся, – это отсутствие языковых средств, способных выразить трансгрессию. Трансгрессивный язык возможен лишь как «внутриязыковая трансгрессия» – трансгрессия самого языка за собственные пределы, доселе мыслившиеся непреодолимыми. Смекаешь?

– Те, кому мы это продадим, окажутся за чертой?

– Именно! Мы вызовем эффект Gott ist tot.

– Точно, люди забыли не только о Боге, но и о его смерти? Мы показательно убиваем «Бога», открывая людям новый эмпирический опыт переживаний?

– Да, предлагая посредством нашего продукта переоценить ценности и выявить более глубинные пласты человеческой природы. Мы избавляем человека от финальной исчерпывающей причины, производим его отказ от идеи внешней причины.

– «Если Бога нет, все дозволено».

– Да, а если точнее, «Если нет бессмертия, все дозволено». Это наш исходный пункт.

– Чем мы жертвуем?

– Счастьем.

– Пока люди применяют наш продукт, они чувствуют себя хорошо; но, когда действие продукта оканчивается, человек переживает мучительные состояния. С каждым новым употреблением все сильнее.

– Зачем нам делать такой продукт?

– С появлением ребенка из утробы матери происходит что-то подобное. Ты когда-нибудь видел улыбающегося во весь рот новорожденного? Вот и я нет.

– Мы дарим людям свободу. Но свобода на следующем этапе не покажется человеку даром. Можно сказать, мы его обрекаем на эту свободу.

– Сможем ли мы формировать судьбу человека в новом

пространстве?

– Мы можем задать общий алгоритм движений и свойства пространств. И даже рассчитать все для одного человека. Но делать это для всех наших клиентов в условиях мировой нарицательности – нет. Мы не можем считать количество сказанных людям «будь здоров» на количество состоявшихся чихов. Наша роль – транспортировать человека из одного пространства в другое на его страх и риск за его же деньги. Просчеты возможны, но их уже придется делать человеку самому.

– Далее?

– Внимание – материальная единица. Особенно хорошо это наблюдается в межпространстве. При должном качестве внимания и его количестве, направленном на тебя, рядом с тобой образуются ореолы. Области содержания внимания. Пока я не научился мастерить их сам, но, если мы хотим всерьез заниматься этим делом, нам нужно решить вопрос содержания внимания. Главный критерий – избирательность.

– Вот, видимо, почему люди говорят: «Окружить кого-то вниманием».

– Возможно, мы должны уметь регулировать содержание внимания в ореолах при транспортировке людей. При необходимости уменьшать его свечение с помощью регулировки световой каймы для передачи материи раненым при транспортировке пассажирам с разрывами отражений.

– Что это значит?

– При переходе между мирами, когда по одну сторону находятся призмы одного мира, а по другую – призмы другого мира, для каждого пассажира есть правило: смотреть на призмы того мира, в который движешься. Призмы проделывают определенную операцию узнавания человека. И если в этот момент человек оглянется на призмы прежнего мира или испугается и закроет глаза, то в этот момент произойдет резкий разрыв тканей психического тела человека. Ореолы помогут нам зашивать образовавшиеся раны, чтобы человек не остался навечно в межпространстве.

– Звучит, вообще-то, это все довольно странно и непонятно.

– Я об этом уже говорил. Первая проблема, с которой мы столкнемся, – это отсутствие языковых средств, способных выразить трансгрессию. Их пока нет, поэтому пользуюсь тем, что есть. Нужно формировать и заполнять язык. И эта наша задача номер один.

– Ладно, с деталями мы разберемся позже. Но что же тебя смущает, я не могу понять?

– Попав в мировую нарицательность, люди начнут пробовать трансгрессировать без нас, не имея на то компетенций. Продукт этот требует больших инвестиций, как денежных, так и интеллектуальных, психических, ментальных. Не имея ресурсов и проводников, люди начнут пропадать в межпространстве. Вопрос не в нашем с тобой убытке – скорее всего, к нам обратятся уже как к спасательной службе, и мы будем

искать и возвращать пропавших.

– В чем же тогда?

– Здесь никого не останется.

– Что же в этом плохого?

– Мы погрузим знакомый нам мир в хаос. Мы лишимся знакомых нам форм. Содержание будет очищено. Порядок нового мира будет строиться какое-то время. Между самими мирами нет разницы. Разница лишь в протекающих реальностях. Мы просто пересадим людей с корабля синего цвета на корабль красного цвета, на котором будут действовать иные принципы выживания и взаимодействий.

– Спасая людей от нераспутанных клубков, мы распутаем эти, но не знаем, что вручим им там. Расческа спасает в этом мире человека от запутавшихся волос. Но ведь эта проблема для нас плёвая по сравнению со всеми остальными, которые с нами случаются. Так же и здесь. В новом мире проблема нашего с тобой клубка будет меньшей из существующих там проблем. Как расческа и волосы здесь. Вот на что мы обрекаем человека.

– Откуда ты это знаешь?

– Я практикую этот продукт довольно долго. И я предлагаю нам пойти другим путем. Предоставлять эти услуги строго конфиденциально и выборочно, желательно тестируя человека перед отправкой.

– Как делают с космонавтами?

– Только в разы внимательнее и строже. Это не просто

клиенты. Мы их будем отбирать и нанимать. Они, по сути, наши сотрудники. Там мы потихоньку начнем выстраивать порядок. Разработаем план. Изучим. Простучим, так сказать, все пространство вдоль и поперек. Сняв хотя бы пенку начальных возможных рисков, сможем продавать услугу сначала отдельным людям, которых будем находить. Только после всей проделанной работы мы запустим это в массовое производство, когда изучим среду.

– Но есть же люди, которые могут случайно или как-то сами трансгрессировать в эти пространства?

– Есть, но они неопасны для нашего продукта. Это как Белка и Стрелка, запущенные в новое для них пространство космоса. Мы можем наблюдать за такими людьми, делая для себя какие-то выводы. Это больше нам на руку. Собаки не понимают, где они и на что они смотрят. Даже Гагарин не особо понимал. Описал то, что увидел, словами, которые смог подобрать. Вот и мы будем делать из Белки и Стрелки Гагарина для наших транспортировок, а дальше посмотрим.

– Сможем ли мы возвращать людей назад, если вдруг им там не понравится?

– Хороший вопрос. Что произойдет, если мы не будем трансгрессировать? Мы умрем. Все умирают. Так вот, то, что мы называем смертью, – это регрессия. Медленный возврат – или, другими словами, опускание материи, – происходящий вследствие поднятия другой материи.

– То есть и сюда мы как-то и когда-то трансгрессировали?

– Думаю, да. И в следующем пространстве можно отыскать методы трансгрессии; если не отыщем, вернемся назад.

– А что, если наше рождение здесь – это не трансгрессия, а как раз регрессия? Что, если где-то мы не смогли задержаться, не смогли найти методы трансгрессии? И вот мы здесь.

– Может, и так, суть дела это не меняет. Нам необходима технология этой связи. Ее особенности и нюансы. В идеале нам нужно освоить эту технологию таким образом, чтобы мы научились строить порталы. Проходы, доступные для всех в эти миры, как тоннели между станциями метро. Пространство протоколируем.

Глава 11

Почему, когда появляется темный герой, он обязательно идиот или обалдуй?

Погибнуть там, где погиб Магеллан, весьма иронично.

Магеллан любил потрещать со своим приятелем Фалером, полапать местных индианок и поиздеваться над местными священниками. Среди сообщества путешественников, в котором, видимо, я уже давно состоял, ходил очень правдоподобный слух, что Руй Фалер составил гороскоп, согласно которому в экспедиции его ждала неминуемая смерть. Астроном испугался и остался на берегу.

Составленный им гороскоп мог врать?

Фалер уже был частью экспедиции до ее отправления и погиб, когда не вступил на корабль, хотя его безжизненное тело еще скиталось по суше.

Тем временем Магеллан лично следил, как на пять кораблей, которые должны были отправиться в экспедицию, погружали продовольствие. По просьбе путешественника на судах оказалось огромное количество сухарей, вяленой свинины, оливкового масла, соленой рыбы, варенья, вина, риса, сыра и говядины. Кроме того, на случай военного конфликта корабли снаряжали пушками и арбалетами, а для торговли Магеллану выдали множество женских украшений,

зеркал, колокольчиков и ртути.

Хотя в те времена морякам запрещалось брать с собой в путешествие девушек-рабынь, Фернан обошел закон и нелегально отправился в экспедицию с несколькими индианками. Кроме того, на кораблях находилось около полсотни рабов-мужчин, среди которых были уроженцы Африки и азиаты.

По оценкам ученых, всего в экспедицию отправилось около трехсот участников. Магеллан взял с собой на борт несколько переводчиков, а еще историографа Антонио Пигафетту, который скрупулезно вел дневники во время плавания. По возвращении домой Пигафетта вручил рукописи императору Карлу V.

«Днем – за флагом, ночью – за фонарем».

Тремя кораблями из пяти руководили знатные испанцы, которые договорились «расправиться» с Магелланом, если тот встанет у них на пути. Фернан знал об их заговоре, но тем не менее вел себя несколько надменно и не предоставлял никому сведений о маршруте.

Были это реальные люди или грани личности капитана, никто не знает.

«Ваша обязанность – следовать днем за моим флагом, а ночью – за моим фонарем».

Вскоре в экспедиции возник конфликт: испанец Хуан де Картахена, руководивший кораблем «Сан-Антонио», стал называть Фернана вместо капитан-генерал просто капитаном. Магеллан сделал бунтарю несколько замечаний. Картахена не обратил на них никакого внимания, и тогда капитан-генерал вынужден был схватить испанца за шиворот и во всеуслышание объявить арестованным. Вскоре Магеллан объявил, что командовать «Сан-Антонио» будет его родственник Алвару Мишкита.

Сторонники Картахены сильно разозлились, узнав об этих событиях. Вскоре они устроили мятеж, в результате которого захватили три корабля: «Сан-Антонио», «Консепсьон» и «Викторию». Однако Магеллану удалось расправиться с бунтовщиками, и спустя некоторое время над ними был устроен суд. В результате Фернан постановил казнить 40 мятежников, но затем решил, что экспедиция не может в одночасье потерять такое количество моряков. Поэтому Магеллан объявил: смертный приговор ждет только одного бунтаря. Кроме того, по воле Фернана на ближайшем берегу были высажены Картахена и один из священников-мятежников. Капитан-генерал оставил им немного питьевой воды и судовых галет, однако о дальнейшей судьбе заговорщиков никто больше ничего не слышал.

К марту 1521 года экспедиция Магеллана достигла архипелага, расположенного между современными Индонезией

и Тайванем. Магеллан назвал группу островов «архипелаг Святого Лазаря». Магеллан высадился на одном из островов, устроив на нем лазарет для больных и раненых моряков. Как раз в то время на кораблях свирепствовала цинга – болезнь, вызываемая острым недостатком витамина С. Кроме того, многие путешественники несколькими неделями ранее серьезно пострадали от столкновения с местным населением Марианских островов.

Вскоре команда Магеллана достигла острова Хомонхон, входящего в состав Филиппин. Фернан сумел обратить правителя острова и его жену в христианство, а также дать им новые имена при крещении. Так, правитель стал Карлосом – в честь короля Испании, а его супруга – Хуаной. Новоиспеченный христианин получил от путешественников в подарок фигурку Иисуса и объявил, что все его подчиненные должны немедленно принять веру европейцев. Этому приказу воспротивился один из островных вождей Лапу-Лапу, который начал бунт против Магеллана.

Во время одного из вооруженных столкновений знаменитый путешественник был убит.

На сегодняшний день Лапу-Лапу почитается на Филиппинских островах как национальный герой, первым попытавшийся организовать сопротивление европейским колонизаторам.

Кто же монстр? Магеллан или Лапу-Лапу? Кто же из нас двоих монстр – я или то существо, что гонится за мной?

Глава 12

Язык связывает людей сильнее денег?

– Как можно выяснить, с кем вы связаны такой связью?

– На это пока ответа нет.

– Но обычно это кто? Мать? Ребенок? Жена? Любовница?

– Мы говорим о человеке, а не о ролях. Не путай!

– И тем не менее – как?

– Для определенной частицы, которая находится здесь и сейчас, существует другая частица, предположим, в Австралии, которая в этот момент будет воспроизводить то же самое.

– Это по-английски называют entanglement.

– На русский это можно перевести как «спутанное состояние».

– По-видимому, мы все можем иметь спутанные состояния с чужим мозгом.

– Это к вопросу о том, как образуются дружба, диалоги, разговоры.

– Когда мы говорим, образуются некоторые спутанные состояния. Другими словами, мы начинаем думать похожим образом.

– Важно не только то, что мы обмениваемся сходными вещами, а что мы начинаем так думать.

– С помощью чего весь этот процесс запускается?

– Например, с помощью харизмы. Она есть возможность.

– Какая?

– Возможность установить связь одного сознания с другим, конечно, не очень четко фиксируемую. Одно сознание не может пробиться сквозь тканевую завесу, но, когда образуется цепь одинаково думающих сознаний, вместе они могут «понять» что-то большее.

– Особенно если среди них есть какой-нибудь Эйнштейн?

– Да, человек, который в состоянии начать использовать свой мозг полностью.

– Скоро уже посадка?

– Снижаемся...

Глава 13

Память – это то, что заменяет... вид из окна?

Несмотря на приближавшуюся трагедию (впрочем, предчувствие трагедии ни на минуту не отпускало Амато с самого рождения его дочери), сейчас Амато думал о Ноэлии: он скучал по ней.

Его возлюбленная жена Джулия улетела с известным ведущим Беаре Гриллсев в Конго на какое-то светское мероприятие и не возвратилась. Амато остался в однокомнатной квартире на краю города с маленькой девочкой на руках. Он дал ей имя сам, но не сразу, при рождении, как это принято, а лишь спустя два года. Ноэлия не раз сбегала от отца – и в последний раз удачно. Разворошив старую заначку Амато и проведя несколько несложных манипуляций в интернете, она оказалась на другом краю света, вдалеке от родного дома. Амато не мог ладить с Ноэлией, сильно напоминавшей ему жену. Уставший и раздраженный после работы, он мог до синяков побить хрупкую девочку. По дороге в школу она получала в свой адрес много издевок и смеха от одноклассников. А педагоги считали ее склочной девкой. Так и жила она – ни капли жалости и любви. Амато и Джулия никогда не планировали детей. Несколько страстных ночей на выдох. «Черт возьми, сколько ей лет?» – с досадой подловил он

себя на том, что не может вспомнить возраста дочери.

Социальная ответственность нависала над Амато дамочным мечом. Каждый раз при разговоре с другом или коллегой он боялся, что его спросят про дочь. С другой стороны, он испытывал огромное облегчение и радость: теперь он мог встречаться с девушками и без зазрения совести приводить их к себе домой. Но что-то его терзало, не покидало чувство, будто что-то забыл.

Глава 14

Совершенство достигается только к моменту краха?

– Куда дальше?

– Мы несемся к апогею, к наиболее удаленной от Земли точке околоземной орбиты небесного тела.

– Это куда?

– Сейчас Луна, потом Марс.

– Если завтра мы освоим Юпитер?

– То он. Авраамические религии мыслят об апогее как о конечной точке перехода между пространствами. И все-таки он движется, преодолевая границы не одиноких миров и пространств.

– На что это похоже?

– На гитару, струны которой достигают своего апогея в разное время по отношению к пространству, – так играется цельная мелодия. Там, где несколькими мгновениями струна потухла, вновь эта же струна производит другие вибрации.

– Мелодия имеет конец?

– Государство и человек в какой-то момент перестают существовать, так же как завершается любая цельная мелодия. Сюжет этого пространства явно имеет конец, и твоя сыгранная на гитаре цельная мелодия является той частью, которая

определяет, как все закончится. Материя здесь одна.

– Я, конечно, не эксперт, но разве слово «конец» не авраамическое?

– Авраамическое, так же как и слово «конечно». Улавливаешь?

– Да, не очень приятные переживания, это засело во мне как яд.

– Поэтому слово «конец» мы и меняем на «апогей».

– Как мы сможем его поменять?

– Мы договоримся со временем.

– С ним можно договориться?

– Технология ясна. Представь замкнутое пространство, например комнату в двадцать квадратных метров, в которую ты начинаешь накидывать выбранные тобой вещи. Заполняй ее всем, чем захочешь, настолько плотно, чтобы даже мельчайшая бактерия не проникла. Теперь стремительно выверни эту комнату наизнанку из любого места. Эти места возникают при взаимодействии материй внутри комнаты и разнородности масс, получаемой в такой комнате. После того как ты вывернешь сжимающиеся материи, они рванут заполнять новое пространство, внезапно открывшееся для них. Человек сейчас находится именно в таком состоянии.

– Это очень похоже на теорию Большого взрыва с ее постоянно расширяющейся Вселенной.

– На первый взгляд процесс кажется неуправляемым, так как нет представлений, где он протекает.

– Ну да, если Вселенная расширяется, то, собственно, куда?

– Вселенная расширилась до тех апогейных точек, которые мы предусмотрели и нашли.

– А как же самые отдаленные закутки неизвестных галактик?

– Они известны и понятны, просто ты не помнишь и оттого теперь точно не знаешь, что клал в комнату десятью минутами ранее, самостоятельно заполняя ее выбранными тобой же вещами. А так как делал это ты сам и никто тебе в этом не помогал, то, кроме тебя самого, вспоминать некому.

– А ведь точно же! Я действительно наполнял комнату конкретными, легко узнаваемыми мной вещами, а теперь мне сложно вспомнить и треть из них, а завтра я и вовсе могу все забыть.

– Вспомни себя.

– Вспомнить себя?

– Мы протоколируем пространство и, переходя к процессу скручивания, хватаемся за края расширяющегося пространства и все, что находится внутри, собираем вновь.

– Зачем нам этим заниматься?

– Так мы соберем материю для последующей трансгрессии апогея.

Глава Б

Один голос – не голос?

В наушниках Ноэлии громко играла одна и та же песня, поставленная на бесконечный повтор: Grandson – «Blood Water». Ее бы наверняка было бы слышно сквозь наушники и другим людям, но Ноэлия путешествовала совершенно одна в достаточно большой пятиместной лодке, не считая уставшего престарелого и совершенно не говорящего на английском языке гида, который только энергично кивал головой и улыбался во весь рот.

Сегодня утром она добралась до острова Палавана на самолете из Себу, приобрела билет в небольшой деревне Сабанг, чтобы наконец увидеть то, о чем так давно читала.

Подземная река Пуэрто-Принсеса несла ее вглубь пещеры. Местные называют эту реку подземной рекой Святого Павла. Местные говорят, что, когда выплываешь на рассвете из темной пещеры, кажется, будто ты сам становишься этим рассветом.

Ноэлия проделала свой долгий путь, чтобы оказаться здесь, чтобы почувствовать себя на мгновение рассветом.

Внутри пещеры карстовые наросты образуют причудливые фигуры, различающиеся по форме и размерам. Они пугают и будоражат воображение. По фотографиям весь

путь казался Ноэлии безобидным и не таким уж долгим, но сейчас она была в неизвестности, и все ее тело дрожало. Чернота съедала рассудок. Чем глубже всплывали в пещеру, тем сильнее ощущался недостаток кислорода. Ноэлия подумала, что, наверное, такие пещерные лабиринты – идеальное место для наблюдения за летучими мышами, висящими прямо над головой на всем протяжении пути.

Перед самым последним поворотом гид махнул рукой и показал пальцем на поверхность воды подземной реки. Он предлагал окунуться. Ноэлия была настроена смело. Она не раздумывала долго. Она плюхнулась в прохладную воду и почувствовала, будто ее кто-то схватил за горло. Отчаяние и истошный визг. На глазах у гида она ускользала во тьму. Она успела отметить, что слышала свой визг как эхо, повторяющее как будто чужой, но все-таки ее собственный голос. Это сводило с ума и мешало сориентироваться.

Она кое-как держалась на воде, скованная страхом, пока голос гида не раздался в пустоте: «Тауо па!» Его голос эхо не разносило. Ноэлия не знала, что это значит. Но уверенность и спокойствие в голосе гида вселили в нее уверенность. Можно вечно барахтаться здесь в страхе, но, очевидно, лучше двигаться вперед. Она забралась в лодку, выдавила из себя что-то вроде улыбки, тяжело выдохнула. Гид повел лодку дальше.

Перед посещением пещеры стоит запастись личными фонарями; чем мощнее, тем лучше – вспоминала она прочи-

танные наставления бывалых путешественников. В пещере нет центрального освещения, торчащие из воды сталагмиты и свисающие сталактиты, а также цветные каменные потеки на стенах можно увидеть только при свете своего собственного фонаря или прожектора гида.

Вот бы уже море. Она не думала, что ее путь будет настолько темным и страшным.

Гид все так же причудливо и странно улыбался, вкрадчиво наблюдая за девушкой в лодке.

Глава 15

Нас подставила система?

– Где мы?

– Это Восточный Лондон.

– Чем будем заниматься?

– Нам предстоит построить систему, которая, как и любая система, будет тематизировать свой внешний мир. Мы установим соответствия, где каждому элементу внешнего мира будет соответствовать системный элемент.

– Каждому объекту – отдельное слово? А каждому предложению – отдельное событие?

– Например, какой-то объект из какого-то пространства попал в наше и здесь его назвали неопознанным летающим объектом. Если этот объект совершает не описанные в нашем пространстве действия, то случаемые события формируют предложения.

– Какой объект будем перемещать?

– Нам предстоит переместить не один объект в другое пространство, а все объекты и события, не нарушая связности.

– Это абсурд!

– Наша система научится игнорировать внешний мир и организовывать саму себя посредством выделения в себе

планирующих инстанций, назову их «агентствами недвижимости».

– Календарь, дневник, расписание?

– Таким «агентством недвижимости» может стать плановый отдел на предприятии или конституционное право, регулирующее применение всех остальных законов в системе права и то, о чем ты сказал, тоже.

– И даже «агентство недвижимости» познания, судящее о рациональности всего познания?

– С четкими различимыми границами.

– Окей, зачем нам нужны эти агентства? Не-движимости...

Улыбка коснулась глаз.

– Они упрощают внешний мир, выделяя в нем лишь то, что существенно для продолжения процесса системной коммуникации. Таким образом система осуществляет самоупрощение.

– Как система будет организовывать пространство?

– С помощью парадоксального процесса одновременной спецификации и генерализации.

– Это как?

– Каждый предмет будет выделяться как специфический, отличный от другого. Одним и тем же именем будут обозначаться разные события и вещи, воспринимающиеся тем са-

мым как нечто неизменное, естественно, до перехода в новые условия или пространства. И в то же время к этому неизменному система может применять разные реакции, прилагать разные имена в зависимости от состояний самой системы, и для его определения к нему можно применить множество слов.

– Вода в озере Байкал мокрая, жидкая, пресная, а в Атлантическом океане соленая; на Северном полюсе вода – лед, а в бане под Москвой – пар. В Африке во время засухи ее могут желать, в Азии во время цунами – ненавидеть. Водой можно утопить или напоить. Вода может содержаться в смертоносных ядах, но также и в лекарственных препаратах, спасающих жизнь.

– Теперь ты видишь, что прямые связи между системой и средой невозможны, даже в этом пространстве.

– То есть, если, например, «вода = поливать огород», в таком случае ее не будут пить, ею будут только поливать огород? Система начнет рушиться? Если воспроизвести связь «вода = пить», то в системе будет возникать большое количество условностей, при которых она начнет рано или поздно рушиться. Если «вода – это только пить», то пресные источники не надо будет возобновлять и охранять, а воду очищать. Так начнут вымирать целые страны.

– Кажется, я начинаю понимать.

– Это то, не говоря уже о множестве всего другого, что может случиться. Да, и только с помощью таких вот «агентств»

мы сможем наладить в новом пространстве произвольность в отношении языка к предметам наименования.

– Никогда не думал, что это так важно. Ведь в нашем пространстве это работает точно так же. Зря я, конечно, вчера кассира на хуй послал. Сразу же знал, что не стоило.

– Так вот. Чтобы переработать сложность создаваемого нами мира и упростить саму себя, система парадоксальным образом будет вынуждена одновременно усложнять себя и в то же время различать и отделять в себе эти самые «агентства».

– Как в новогоднем подарке: шоколадные конфеты к шоколадным, а карамельные к карамельным. Наводить, так сказать, порядок.

– Да, и не допускать саморазрушения.

– А эти «агентства недвижимости»?

– Что?

– Ведь и они являются системами, и уже самую породившую их систему они будут рассматривать в качестве своего внешнего мира?

– Организация системой ее собственного мира предполагает, как понимаешь, рост сложности. С увеличением числа элементов в системе, например, числа людей, которых мы приведем в новое пространство – их отношения, коммуникации между ними, – все будет увеличиваться в геометрической прогрессии.

– И как это будет все связано? Мы не можем же к крупин-

ке гречки приклеить двадцать телефонов.

– Попробуй это сказать на моем языке.

– Так, сейчас... Кхм... Все, так... Из простой сложности будет возникать сложная сложность, условия которой не позволят реализоваться всем возможным вариантам связей, скажем, людей, которых мы доставим туда, за какое-то разумное время.

– Все верно. Ты молодец! А теперь внимание! Исходя из того, что ты сказал, возникает необходимость избирательных связей, формирования в системе механизмов неконфликтных ограничений контактов. Таким механизмом может служить, скажем, иерархия, где связи возможны лишь на один уровень вверх, вниз или вбок.

– Панки к панкам, чиновники к чиновникам. Кому власть, а кому рок. А если уж ты президентом стал и по дороге из одних связей прошелся, в баре под «Кубик льда» GONE. Fludd дрыгаться не будешь – вовсе не узнаешь о таких песнях. Хотя все, наверное, зависит от сложности системы. А так каждая новая построенная связь будет отражаться и на других, изменять их. Ориентируясь в пространстве, путешествуя по точкам связей, можно формировать свою реальность. Если, конечно, по своим ориентирам еще ходишь. Ну, сейчас не будем об этом.

– Да, не будем. Вот все то, о чем мы говорим сейчас с тобой, формулируется в рамках традиционного различения простого и сложного. Душа понималась философами

древности как простая, неразложимая на составляющие части сущность, и именно этим обосновывалась ее бессмертность. То же самое относилось к так называемым стихиям в античной философии – огню, воде, воздуху и т. д. Однако это различие простого и сложного обладает своеобразием. У понятия сложности, впрочем, как и у понятия знака, у смысла, у мира нет другой стороны, нет антонимов, нет противопонятия. Поэтому та сложность, о которой мы говорим, работает лишь с внутренними подразделениями – избирательно-сложным и случайно-сложным.

– А нельзя нам с этим новым пространством и его системой как-то попроще? Взмахом какой-нибудь волшебной палочки, например.

– Можно, конечно. Но ведь механизмы волшебной палочки кто-то заложил. Вот и мы, как ты помнишь, создаем свой продукт, как раз-таки наподобие волшебной палочки. Чтобы другие по ее взмаху понятно и легко могли перемещаться между пространствами. А так как такой палочки еще нет, ее надо нам с тобой создать. Внедрить в материю алгоритм.

– И почему мы?

– Сконцентрируйся. На чем мы остановились?

– На сложности, которая работает с внутренними подразделениями – избирательно-сложным и случайно-сложным.

– Так вот. Именно избирательная сложность требует временного измерения, последовательной смены отношений между элементами системы, темпорализации сложности. Ре-

шил, например, в этой системе научиться пилотировать самолет – для этого тебе стоит инвестировать время, ресурсы и, как говорят, желание.

– Ага, а вот это темпо...?

– Темпорализация? Проще говоря, процесс, связывающий части содержания, находящиеся в нашем случае в разных пространствах.

– То есть молоко «Веселый молочник» из этого пространства мы связываем с какой-то штукой из другого. А зачем в рамках создания системы в новом пространстве нам заниматься и этим?

– Это важный процесс производства временных различий. Так как и в нашем, и в том пространстве будет происходить различение и отделение объектов и событий. Как ты понимаешь, в каждом из двух пространств объекты и события, над которыми совершается то самое различение, разные. Говоря обычными словами, постоянное извлечение смыслов из одного объекта или события. Объектов и событий даже в одном пространстве немало. В таком движении по обе стороны двух пространств мы их и свяжем. Темпорализация сложности.

– Как мы заложим эту связь?

– По принципу That which acts и Subjected.

– Тот, кто действует. И тот, над кем действует.

– В том смысле, что он, этот действующий и испытывающий на себе действие, будет находиться в подчиненной по-

зиции по отношению к другим элементам.

– Как в сексе? Актив, пассив.

– Типа того. На этом мы построим территорию чувств и суждений, погружая ее в различные формы времени. Мы переосмыслим все от эстетики до политики.

– Что будет являться средством? Чем мы это все сделаем?

– Руками.

– Я рассчитывал, что вы сейчас громыхнете каким-то новым занудным словом. И я не понимаю: в смысле – руками? Это метафора?

– Все есть метафора. Существуют разные средства. Думаю, нам подойдет письменность. В этом пространстве она отлично себя проявила.

– Будем карябать по поверхностям?

– Письменность делает возможным растягивание во времени любого события. Его членение, периодизацию и эпизодизацию.

– В общем, ложка, которой можно помешать горячий суп.

– В точку. Событие, которое происходит в устной коммуникации, обладает лишь мимолетным, мгновенным характером настоящего. Например, ты уже забыл о том, что я говорил тебе пару лет назад в этот день. Ты не можешь к этому обратиться, пока...

– Пока не запишу...

– Именно. Письменная переработка сложности делает возможным в этой форме коммуникации опробовать,

по крайней мере, виртуально, самые разные комбинации элементов, которые даже в нашем пространстве не выдержали бы «теста на реальность», но в виде текстов они смогут ожидать удачного случая, когда будут востребованы.

– Ну, в принципе понятно. Сказал я на улице какой-нибудь Тане, что люблю ее – и все, этот момент канул в Лету. Написал я об этом роман – как минимум при желании к этому смогут обратиться.

– Если просто говорить, то так.

– Я правильно понимаю, что мы опускаем самореференцию, иначе бы...

– Мы ее закладываем и в новое пространство. Да, отчасти мы ссылаемся сами на себя. Но здесь, мой друг, можно попасть в ловушку, из которой не выбраться. В королевстве зеркал неуютно.

– А мы разве не в нем?

– Ты еще кружок по стадиону хочешь пробежать?

– Ага, все, я смекнул... Что получается у нас в итоге?

– Система усложняет саму себя. В результате этого процесса происходит возникновение подсистем, тех самых «агентств неимобильности». Наблюдающие подсистемы сложной системы выстраивают простую модель системы своего внутреннего и внешнего мира. И именно это позволяет системе освободиться от ненужных взаимодействий с внешним миром. Твой пример про воду был хорош.

– Система самоупрощается за счет самоусложнения.

Окей. Но почему вы говорите о системе и подсистемах так, словно это живой организм? Как будто это относится к человеку...

– Тс-с... Тише, мой друг. Давай не будем торопиться. Пока только наблюдай. У тебя будет достаточно времени, чтобы об этом подумать.

– Наша система будет устроена рационально?

– Да, и ее можно будет рационально познать. В новом пространстве индивид будет реализовывать свою природу, познавая ту природу, которую мы для него предоставим. Поэтому и познание может быть только «правильным», поскольку «природу» мы устроим правильно.

– Мы перенесем человека в лабиринт, который создадим, у выхода из которого можно положить кусок сыра. Бегая по лабиринту, мышь будет чувствовать запах сыра. Страдая и преодолевая себя, она будет бегать по лабиринту, пока не найдет сыр или не умрет... И выход из лабиринта мы сможем создать там, где и задумаем. Поэтому и природа лабиринта правильна, и познание, выход из лабиринта, может быть только правильным.

– ...Или не умрет?

– Мы же не убийцы. Пока мы наблюдаем за этим процессом, ни одна мышь не умрет. Когда мы обнаруживаем, что животное теряет силы, мы его подкармливаем, подлечиваем. Если и этого недостаточно, достаем из лабиринта...

– Вы переносите мышь из одного пространства в другое.

И она может даже этого и не заметить, потому что система самоусложняется вне зависимости от внешнего мира...

– Вот видишь, все только начинается.

– Представляете, я чуть не крикнул: «Эврика!»

– И хорошо, что не сделал этого, а то бы разбудил всех.

– Это да. А вот что еще любопытно. Можете ли на примере объяснить или показать, что это за самоусложнение?

– Мы говорили про письменность. Самоусложняясь, она привела это пространство к религиозным войнам, а с появлением в результате самоусложнения и печатного пресса в этом пространстве появилась возможность одновременно иметь в своем распоряжении полярные концепты. Порядки связей стали внутри системы молниеносно меняться. Подсистемы стали системами в системе, раскладываются на другие подсистемы. Рациональность начала разбиваться внутри себя на сегменты. Стали появляться сферы суверенной рациональности, например рациональность любви, которая подразумевает независимость от рациональных аргументов с точки зрения науки, экономики, политики, семьи. Из рациональности вышли процессы получения удовольствия, реализации собственных интересов.

– Теперь уже нерационально требовать рациональных обоснований и объяснений того, почему чем-то следует интересоваться, наслаждаться, кого-то любить.

– Все так, мой друг. Рациональное сужается сейчас до экономического и научного, до оптимизации цели и средств

и правильности применения научных законов.

– Всё это не из-за того, что мышь отчаялась? И теперь, сидя в лабиринте, вкушая лишь запах сыра, воображает себе что угодно, от Будды до инопланетян, лишь бы не погибнуть от скуки и никчемности?

– Система самоусложняется. Мышь не может бороться с системой. Система так задумана. Вспомни про апогей. Как бы близко ни бежала мышь к сыру, система самоусложняется быстрее, отодвигая цель мыши все дальше и дальше.

– Бездействующая мышь, выходит, мудрее?

– Не совсем так.

– Ты заикнулся про человека и поинтересовался, почему я говорю про системы как про что-то живое...

– Да, и что же?

– И про самореференцию...

– Ага...

– Система и есть ты. Есть и другие системы. И все вместе мы другая система. Мы все живые. И каждая из нас самоусложняется.

Звонкое молчание.

– Я – «агентство недвижимости». Я подсистема. Я система. А можно выйти из системы?

– Система не может выйти из системы. Мы движемся рекурсивно.

– Смерть? Ой, регрессия?

– Граница, до которой ты можешь самоусложниться.

И во время трансгрессии переместиться в намеченное тобой пространство. Только это мы сейчас и делаем. Потому что есть спрос, да и возможность тоже.

– Что делаем?

– Ну как же. Экскурсии водим, заказы принимаем.

– А как мы это смогли? Будучи системой или подсистемой оказываться и там и тут?

– Мы с тобой часть большей системы. И как, скажем, продвинутая часть можем себе это позволить. Другие пока нет. Ну это как кто-то может себе позволить каждый месяц на Мальдивы летать, а кто-то всю эту жизнь на море так и не побывал. И оттого, что он на море том не был, море никуда не делось.

– Правильно ли я понимаю, что нарушена связность?

– Да, мы говорили недавно про это.

– И мы как система, самоусложняясь, создаем свою собственную систему, чтобы продавать и, соответственно, самоусложнять этим другие системы, для того чтобы мы могли дальше самоусложняться, так как без других систем мы можем достигнуть только определенной границы. А когда в новом пространстве будет достаточное количество самоусложняющихся систем, которые мы туда и перенесем, мы сможем трансгрессировать дальше в новые пространства. А сейчас еще и заработать на этом можем, потому что мы уже самоусложнились как части какой-то системы, а они нет?

– Примерно так.

– Но ведь большинство даже и с места не сдвинется.

– Это наше дело. Как продадим, там и задвигается. Раз ты говоришь, что мы системы-то посозершенствованнее, значит, что-нибудь да придумаем.

– Так, значит, и нами управляют какие-то системы?

– Да. Но это их задачи. У нас свои.

– А если мы регрессируем раньше, чем сможем самоусложниться.

– Система не взаимодействует с внешней средой. Регрессировать можно только сознательно. Конечно, более устойчивые и сильные системы могут разрушить тебя. Для этого тебе и стоит самоусложняться, чтобы становиться устойчивой и сильной самоусложняющейся системой, а не прикидывать свои шансы на то, чтобы отделаться лишь бы испугом. Даже если здесь так отделаешься, то, регрессировав в новое пространство, опять все будет то же самое.

– Теперь я понимаю, почему здесь нет спроса на объективность, а в мире идеалистов всегда виновата материя.

– Давай сейчас на этом закончим. Тут много всего. Москва не сразу строилась. Что-то сегодня мы с тобой уже выяснили. Ложись спать, мой друг. Спокойной ночи.

– Доброй ночи.

Глава 16

Хаос всегда побеждает порядок, поскольку лучшие организован?

– А я... я еще живой!

Звук, дребезжащий между гладью стекающей по скале воды и разряженным горным воздухом, врезается в капилляры, освежая взгляд и натягивая помыслы. Единственный слышимый звук – боевой клич. Громкий призыв жизни – умереть или спастись.

– Никто не может спасти меня сейчас, нет.

Страх перетекает во мне, наполняя самые далеко запрятанные чаши, живет и зиждется. Ощущения отравлены. Кажется, что внутри меня яд. И некому его извлечь из меня, даже при тысяче взглядов на меня. Мрак и боевой клич. Это все, что у меня есть.

– Звезды! Я все еще вижу их. И могу видеть их только во тьме. И я... я чувствую себя таким живым.

Безотносительно к стремлениям времени, имеющимся у меня, я несся от своего бесподобно упрямого преследователя, ощущая его всем собой, но не наблюдая даже его очертаний, отчего становилось весьма жутко. Хороший охотник выслеживает свою добычу, играя с ней. Когда уже меня настигнет это бесповоротное «все»? Напряжение от надвигаю-

щегося с каждым мигмом неожиданного броска монстра ско- вывал меня по рукам и ногам, но я бился, держал путь далее, моя борьба не была основополагающей, это больше походило на судорожное отмахивание от роя ос.

Впереди виднелся город, я не мог увидеть ни одного дома, на котором бы не находились строительные леса, все походило на большую паутину. Город Себу на острове Себу. О, я знал его вдоль и поперек. Это один из немногих на Филиппинах город, где есть очень респектабельные любимые мной отели, включая представителей известных мировых цепочек. По всему городу были расставлены автоматы с водой, вода наливалась в пакетик, а не в стакан, и к этому было сложно привыкнуть.

И ведь именно здесь в 1521 году и высадился Магеллан, которому приписывают открытие Филиппин. Уже отсюда можно было рассмотреть базилику Миноре-дель-Санто-Ниньо, огромный Магелланов крест, говоря откровенно, зрелище так себе, форт Сан-Педро, часовню Ласт-Саппер, множество зданий колониальной архитектуры, какой-то университет, центр традиционных ремесел, монумент Лапу-Лапу, вот он, тот самый вождь, победивший Магеллана, памятник самому Магеллану и два висячих моста на острове Мактан.

На фоне всего этого великолепия раздался ошеломительный взрыв, вспыхнул огонь, слышались испуганные крики людей, одна из самых старинных испанских крепостей в стране, форт Сан-Педро, исчезла с глаз за доли секунды.

Утром здесь располагались региональный департамент туризма и театр под открытым небом, сейчас все это превратилось в груды камней и арматуры. За крепостью так же стремительно, будто разорванная по шву, в бетон и песок рассыпалась церковь святого Августина, в которой хранилась та самая икона Младенца Иисуса, которую преподнес Магеллан королеве Себу при ее крещении. С еще большей силой обрушился экзотический даосский храм, который был построен представителями китайской общины на вершине холма в престижном районе Себу Беверли-Хиллз.

Таинственный монстр превращал прекрасное в мешанину мусора, камня и песка. Мне было необходимо преодолеть погибающий город и оказаться на другом конце. Сделать это было невероятно трудно: падающие здания перекрывали улицы, как бобровые плотины перекрывают воде ход.

Федор Михайлович, вот он, очередной город разрушений и унижений, где живут герои, да и сам город сейчас выступает своеобразным участником событий и главным действующим лицом. Мотив горящего в огне и погибающего от жара города воспроизводит атмосферу удушья, в которой могут жить и расти только разрушительные замыслы, – я был почти готов убить себя. Среда съедала меня с потрохами. Я пытался выбраться, но мучительная внутренняя борьба и лихорадочные блуждания мыслей выводили меня из себя.

– Надо было двигать к Кавасану.

В потоке грязи, криков, ужаса я обратил внимание на до-

рожный знак, который указывал на парно прилегающую к главной улице. Глянув туда, я увидел единственную возможность спастись, воспользовавшись канализационной системой города. Город повторил судьбу Кадингирра. Все это напоминало сюжет голливудского фильма. Как будто банкир Дэвис узнал, что его жена мертва, он захотел купить шоколадный батончик в торговом автомате, но тот оказался сломан. Переживая горе, Дэвис начинает крушить дом, мебель, машину, строчить жалобы в обслуживающую торговые автоматы фирму. А в письмах он... рассказывает историю своей любви. Скоро ему отвечает Карен, менеджер компании, но сможет ли она спасти Дэвиса из эмоциональной пропасти?

Смогу ли я спасти город? Его инфраструктура полностью уничтожена, но благодаря ей ли веками он рос?

Я не помню, как я вышел из города...

Тысячи бедствующих и разрушенный город. Эмоциональная пропасть города? Что творится у меня в голове и как этим вообще управлять?

Интересно, который сейчас час?

Глава 17

Экзюпери заблуждается?

– Готов?

– Готов.

– Прежде чем мы двинемся дальше, более тщательно проанализируй встроенные в систему элементы и обрати внимание на границы системы, так как нам предстоит выйти из одной и войти в другую.

– Межпространство является здесь третьей границей?

– И да и нет. Граница системы, из которой ты трансгрессируешь, и граница системы, в которую ты трансгрессируешь, являются не только границами системы. Они формируют и упорядочивают систему внутри и защищают ее от внесистемного межпространства.

– То есть человек... простите, система, ушедшая каким-то образом из своих собственных границ, может погибнуть, если у нее нет представления о том, как проникнуть через границу другой системы?

– Да, граница не томит своего обитателя в неволе, она спасает от межпространственного. Выйти за границу проще, чем проникнуть в нее; возможность вернуться в прежние границы отсутствует.

– Как возникают эти границы?

– Граница системы возникает, когда протекающие процессы начинают взаимодействовать друг с другом и отделять себя от внешнего мира.

– Как можно увидеть и преодолеть границу?

– Чтобы увидеть границу и преодолеть ее, система, сложенная из процессов, продолжает свои операции по отделению себя от внешнего мира, например, живет или коммуницирует; система наблюдает сама за собой, формируя способность отличить себя от того, что она наблюдает.

– Unresolvable indeterminacy?

– Да, далее в системе начинаются трансформации, которые затрагивают соответственно и ее границы, – в этом моменте мы и осуществляем трансгрессию.

– Это как?

– Мы образуем в системе два устойчивых положения, два состояния равновесия, генерируя в системе ее собственное время, которым мы теперь можем распоряжаться самостоятельно, распределяя очередность ее процессов. Система расходует это время и формирует все процессы таким образом, что к ним присоединяются и другие процессы, – начинается момент ожидания.

– Как я жду нового сезона любимого сериала?

– Ага, система работает в этот момент на основе предположения, что ее собственные процессы будут продолжены...

– Система имеет воображение? Ведь она же просто воображает себе!

– Это действительно так, поэтому мы стираем в восприятии системы различие между системой, какая она есть сама по себе, и системой, которая наблюдается самой системой.

– А как я смогу стереть в своем собственном восприятии это различие?

– Не спеши, все по порядку. Давай поговорим про границы, – это важно для нашего продукта.

– Окей! Ну, значит, происходит такой процесс, который ты описал, но чем он полезен нам?

– Мы имеем возможность заняться корректированием этой реальности.

– Мы сможем сделать что угодно? Внедрить в систему любые заблуждения?

– В этом и заключается наша с тобой ответственность.

– С чем мы столкнемся, именно как системы, беря такую ответственность?

– Нам предстоит самоподозрение и осознание, что мы руководствуемся латентными интересами и мотивами. В процессе мы не сможем узнавать мир таким, каким он для нас является и каким мы его наблюдаем. Когда я говорил, что мы переходим границы, я был не совсем точен, хотя отчасти это тоже так. Посредством нас границы двух пространств сливаются в нас. Мы станем коридором между двумя пространствами.

– Как же другие будут шагать через нас?

– Для этого на первом этапе запасись воображением или

творческими побуждениями, которые хоть и будут зависеть от состояния твоей и моей системы, однако мы не сможем этим полноценно управлять. Состояние наших систем будет находиться в форме раздражения, изумления, новости, осуществляя постоянный переход от коммуникации к коммуникации, причем процессы, которые будут протекать в нас, не способны прояснить переход системы из одного пространства в другое. Мы встанем на автопилот, оставаясь недостижимыми сами для себя, осуществляя процесс трансгрессии посредством собственных процессов, а затем последует переработка результатов этих процессов в информацию, которая передастся путешествующим через нас и нам самим.

– Ты же почти описал биологическое рождение ребенка.

– Да, ты прав. Эти процессы очень похожи друг на друга, их вообще не так много.

– Именно поэтому реальность моей системы всегда остается результатом собственных процессов, моей собственной конструкцией? Мы будем трансгрессировать людей вопреки замкнутости протекающих в нас и в них процессов? Но с помощью чего?

– С помощью тем коммуникации.

– Как это?

– Темы – необходимые условия коммуникации. Они воспроизводят в системах и подсистемах увиденное, услышанное, прочувствованное человеком.

– Объективно воспроизводят?

– С возможными изменениями.

– Например?

– Влияние времени, состояния памяти, эмоциональное расположение в момент первичного восприятия информации и других психологических и физических факторов, способных исказить поступающую в систему информацию.

– Эмоциональное расположение? Психологические факторы? Это же система! О чем ты?

– Речь идет о внутренних структурах, формирующихся в протекающих процессах системы.

– Темы создают опосредованное отражение протекающих процессов системы, о которых мы говорили ранее?

– И организуют память системы, соединяя все возможные коммуникации системы в комплекс взаимодействующих друг с другом элементов таким образом, что в той коммуникации, которая происходит, можно понять, остается тема прежней или меняется.

– Непрерывное согласование!

– Скажем, кибернетический сепсис не является собственным продуктом массмедиа.

– Они лишь подхватывают её, рассматривают под каким-то определенным углом?

– Подвергают определенному тематическому развитию, которое не может быть объяснено на основе результатов медицинских исследований и коммуникаций между врача-

ми и пациентами. Публичная повторяемость обсуждения темы, предпосылки предварительного знания и потребности в дальнейшей информации.

– Эта публичная повторяемость делает возможным обратное воздействие на коммуникации во внешнем мире масс-медиа, например на медицинские исследования или на планирование фармацевтической индустрии, которая в результате политически организованных, обязательных медицинских обследований может достигать миллиардных оборотов?

– Да, поэтому темы служат для структурного соединения систем друг с другом. Они настолько эластичны, что одна система посредством своих тематик может проникнуть во все другие системы, в то время как другие системы могут воспроизводить свои темы. Успех одной системы в рамках всех систем основывается на достижении ими внедрения ее тематик.

– Такие темы сохраняют независимость от других тем?

– Als bekannt bekannt. Отчасти это напоминает функционирование такого явления в этом пространстве, как деньги, основанного на гарантировании их принятия, хотя индивидуальные цели их использования остаются открытыми. От темы к теме...

– От цены к цене – варьируется спектр открытости индивидуальных расхождений или предпочтений.

– Именно. Темы показывают нам, что нет взаимоисключающих отношений между согласием и конфликтом или кон-

формизмом и индивидуальностью. И их нет нигде, даже между пространствами.

– Все связано! Почему одна тема развивается, а другая нет? Почему тема войны – на первой полосе, а тема любви – в старых запыленных книжках?

– Вопрос интенсивности. Als bekannt bekannt.

– Известный как известный? Чем известнее тема, тем интенсивнее она проявляется? Но кто отвечает за интенсивность?

– Я и ты.

– Здесь я с тобой не согласен. Разве я кручу по новостям эти репортажи? Разве я беру эти интервью с вояками? Я бы вообще уволил всех этих контент-мейкеров. Я всегда был против войны и тем более против форсирования этого в мас-медиа, я даже подписался в интернете на сообщество «Скажи нет войне», и вообще...

Речь говорящего резко прервалась. Взгляд обратился к глазам собеседника, стоящего напротив. Тот кивнул и аккуратно ответил:

– Темы необходимо реинтенсивить и менять, иначе нам некого будет трансгрессировать в новое пространство. А мы с тобой как те, кто планирует это как свое дело, не можем допустить подобные риски для нашего продукта.

– Что делать?

– Найти место для реализации нашей главной компетентности – способности видеть и отделять темы, управляя ин-

тенсивностью.

– Что это дает?

– Свободу в игнорировании информации.

– Мы предлагаем ложное или возможно ложное?

– Нет.

– Почему?

– В силу замкнутости системы – с помощью информации – система описывает себя. В результате этого процесса система самоконструируется, снова и снова обращаясь к собственному информационному состоянию, тем самым определяя свои информационные ценности.

– Жизнь здесь – игра, и мы понимаем, как играть, так почему мы не можем совершать манипуляции на благо нашему продукту, пространствам, системам? Мы будем отображать мир таким, каков он есть, и регистрировать изменения. Мы сможем приписать состояниям и операциям системы любые внешние причины, какие только захотим, зная, что для самих систем они останутся личными бесплодными мнениями, которые они будут считать за свои. И все это в наших интересах.

– Да, но системы так и останутся замкнутыми и обусловленными конкретной конструкцией, которую мы создадим.

– Понимаю, но разве мы не об этом мечтаем? В наших руках окажется все.

– Я точно не об этом, наша задача – распутать этот клубок, открыть закрытое и связать системы с системами, простран-

ства с пространствами, системы с пространствами. За этим мы здесь.

Глава 18

Нет хороших или плохих ходов. Есть только хорошие или плохие сигары?

Амато прогуливался по небольшой пристройке, где было выделено место для курения. Чувствовал себя он отвратительно: выпитый с утра кофе вызвал чувство неутолимой жажды. Мандраж заставлял все его тело трястись и нервно покусывать верхнюю губу.

Он сел на лавку, сооруженную из подручных материалов местными курильщиками, достал из складчатого кармана кожаной куртки футляр, извлек оттуда сигару. Небрежно обрезав запечатанный кончик сигары, отыскал в том же кармане зажигалку, чиркнул пальцем и задымил. Амато вытащил из переднего кармана вельветовых брюк телефон, тот клацнул экраном об стол. Оглядев телефон на наличие свежей трещины и не обнаружив ее, Амато набрал номер Ноэлии, который знал наизусть.

– Ciao!

– Salve papa!

Амато какое-то время молчал в трубку, не зная, с чего начать разговор. В голову не приходило совершенно ничего. Ничего не хотелось спрашивать и даже произносить, хотелось чего-то другого. Нужно было услышать голос дочки

и увериться, что все хорошо.

– Как дела, Ноэль?

– Все хорошо.

– Деньги есть, на все хватает?

– Да.

– Почему не звонишь?

– Я занята.

– Ну ты звони хоть иногда.

– Зачем?

– Эм, ну... – Амато не знал, что ответить, и лучшее, что у него получилось выдать: – Ну просто я переживаю, давно тебя не слышал.

– Окей, мне надо идти, давай.

– Ага, давай, пока!

Разговор с дочкой вместо облегчения вызвал осадок и погрузил Амато в небольшой транс.

– О, господин Амато! Сигара требует очень бережного отношения. Курение сигары – самый настоящий ритуал! – кто-то шепнул ему прямо на ухо.

От неожиданности Амато выронил телефон из руки.

– Фух, испугали! – выдохнул Амато, глянув на сигару в руках.

Перед ним стоял один из работников исследовательского центра.

– О, так это же тосканская сигара!

– Правда? А я и не знал. Нравятся сигары разные, но про

тосканские ничего и не знал.

– Я вижу, вы расстроены?

– Есть чуть-чуть.

– Что случилось?

– Да как-то с самого раннего утра не заладилось. Еще вулкан этот, пропади он пропадом. Да и дочь... Какой я отец, что не знаю, сколько ей лет... Все как-то не очень, господин... извините.

– Карлос! Я из исследовательского центра.

– Да, я вас видел. Знаю на лицо, а вот имени нет.

– Приятно познакомиться!

– И мне!

– Так вы переживаете из-за взаимоотношений с дочерью?

– Типа того.

– Удивительно, что та сигара, что вы держите в руках, тосканская сигара, появилась на свет довольно неожиданно.

Амато с недоверием посмотрел на сигару.

– Да? И как же?

Амато всегда нравились разговоры с незнакомыми людьми, особенно под бокал хорошего коньяка, но сейчас, в минуты отчаяния, этот эффект достигался и без алкоголя.

– Однажды итальянских табачников постигло настоящее бедствие: ливень загубил несколько бочек кентуккийского табака. Оставленный под открытым небом по недосмотру табак прокис и стал пахнуть аммиаком.

– Его выбросили?

– Что вы, табак был слишком ценным грузом, чтобы отправлять его на помойку.

– Это любопытно!

Амато вновь посмотрел на свою сигару.

– Форма этой сигары доставляет немало хлопот ее производителям. Пока табак влажный, форма у сигары одна, но, когда он подсохнет, она обязательно изменится. Даже после всех замеров и контрольных проверок готовые сигары чем-то отличаются друг от друга, поэтому каждая тосканская сигара всегда остается в своем роде личностью.

– И правда!

Амато всегда удивлялся тому, что каждая из этих сигар имела какой-то свой особый рельеф.

– Так вот. Это было в конце восемнадцатого века, когда кентуккийский табак еще не выращивали в Италии, а завозили из Северной Америки и делали из него сигареты и нюхательный табак. До этого случая никому и в голову не приходило делать из кентуккийского табака сигары, а тем более из прокисшего. Тосканцы были первыми. Они рискнули и пустили подпорченное дождем сырье в производство.

– Так и родилась сигара с начинкой из прокисшего табака?

– Да! Из соображений экономии сигару сделали без связующего листа, только с покровным. Вкус новой сигары курильщикам понравился, она стала пользоваться популярностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.